

Демократия и политическое представительство

Народная самооборона

02.03.2018

В современном мире термин «демократия» значит нечто, совершенно противоположное своему изначальному смыслу. Теперь «демократия» значит не власть народа, но власть «народных представителей». Объясняется это ложным тезисом о невозможности существования прямой демократии в больших сообществах. Мол, прямая демократия годится только для небольших отдельных городов, как древние Афины. На больших территориях же приходится использовать принцип представительства. Вопреки этому утверждению, правда, прямая демократия существовала не только в отдельных полисах и городах, но и в больших объединениях различных городов и земель. Таковыми были, например, средневековая Швейцария или древнегреческий Ахейский Союз, объединявший ряд городов. Другое дело, что экономическое неравенство этих обществ закономерно привело к вырождению демократии (также, как и в Афинах), но это уже иной вопрос о взаимосвязи демократического устройства и экономического равенства. Применение же демократического механизма прямого народовластия на больших территориях — исторический факт, игнорируемый современной политикой и пропагандой. Доходит до смешного — объявляя, что прямая демократия была возможна лишь в «небольших» Афинах, тем самым объясняется необходимость представительства для любых стран. В том числе даже таких небольших, как Исландия, население которой едва ли превышает количество населения древних Афин.

Исходя из этого ложного тезиса о невозможности реальной демократии, в Эпоху Просвещения стали складываться теоретические основы представительства. Идеи политического представительства провозглашали, что не народ принадлежит правителю, а наоборот, хорошее правление должно осуществляться в интересах народа и от имени народа. Впрочем, сами либеральные философы, такие как Руссо, выступали критиками парламентаризма. Руссо полагал идеальной республикой именно прямую демократию, имеющую отдельные представительные органы. Классический парламентаризм же, ставший основой либеральной идеологии сегодня, отрицался даже самими отцами основателями либерализма. Руссо полагал, что процесс выборов в парламент вовсе не означает проявления народовластия. Напротив, это проявление

диктатуры, поскольку отнимает у граждан право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Депутаты же не могут претендовать на роль ничьих представителей, сам институт парламентского представительства не состоялся.

Правда, современный либерализм в такие тонкости уже не вникает, ни о какой прямой демократии не задумывается, и политическое представительство признаёт в полной мере как «нормальную» демократию.

В конце концов, это привело к изменению оправдания господства. Если ранее правители заявляли, что правят потому, что являются более лучшими, более сильными, или потому, что это угодно богу, то после победы идей представительства каждый режим стремился к тому, чтобы обосновать собственную народность, объяснить, что он правит, представляя интересы народа. Практически любые режимы 19 и 20 века опирались на идею политического представительства. Диктатуры и монархии, фашисты, большевики и «обычные» диктаторы соревновались в демагогии, объясняя, что находятся в господствующем положении исключительно представляя волю народа — всего или его части. Особенно иезуитски преуспел в этом Ленин, выводя формулы о том, что диктатура масс равна единоличной диктатуре вождя «партии пролетариата». Столь же далеко зашли фашисты, провозглашающие единство государства и народа, или монархисты, провозглашающие «народность» самодержавия. Идея представительства превратилась в такой же пропагандистский приём, призванный оправдать господство одних людей над другими, как и «божья воля» в средние века, или «правление лучших» античной аристократии.

Наиболее последовательно идею политического представительства выражает парламентаризм. Парламентские системы не ограничиваются, подобно «представительским» диктатурам теоретическими разглагольствованиями и демагогией, призванной объяснить, как именно диктатура выражает волю народа, но не диктатора. Парламентаризм вводит конкретные институты представительства — выборы. В ходе выборов народ самостоятельно избирает господ, которые будут править им и от его имени — депутатов и президентов. Таким образом, правление народом осуществляется, действительно, с его формального согласия. Более того, парламент, места в котором поделены между несколькими партиями, за которые голосуют разные группы избирателей, в зависимости от своих политических пристрастий, классовых интересов, социального положения, религии и т. д. — служит более полным и гибким представительством избирателей во всём их разнообразии. Более того, для всех провозглашается формальное политическое равенство — каждый может избираться, вести агитацию, объединяться и создавать новые партии, если старые не отвечают вашим взглядам и интересам. Такая система являет из себя, действительно, наиболее полное осуществление принципов политического представительства.

Однако, вся полнота власти при этом сохраняется в едином центре, в руках очень небольшого количества людей — парламента и/или президента. Эти люди и осуществляют реальную власть, выстраивая сверху вниз вертикаль власти. На самом вершине которой находятся «избранники народа», которые и определяют политику и находятся на положении управляющих, а на самом низу — простой народ, который находится на положении управляемого. Суть парламентского государства такая же, как и у любого другого государства — все подчиняются абсолютному меньшинству, выстраивающему систему подавления народа и управления всеми сферами жизни

общества в собственных интересах. Народ же при этом всё также исключается из политического процесса, отчуждается от управления собственной судьбой и жизнью общества. Эта функция с народа снимается и перекладывается на тех самых «народных представителей». Человек не ответственен за свою судьбу. Всё что он может — это раз в несколько лет проголосовать на выборах, выбрать себе хозяина из небольшого выбора, в котором все варианты, в общем-то, не отличаются друг от друга, и представляют только собственные интересы и интересы инвесторов в их кампании. К этому выбору и сводится всё участие народа в общественной жизни. Выбрав себе одного из нескольких одинаковых хозяев, последующие годы он вынужден подчиняться и беспрекословно сносить все их прихоти и капризы. Чтобы, спустя несколько лет, вновь поучаствовать в выборе новых (или старых) хозяев. И даже этот выбор, как мы увидим дальше, ничего не определяет, ибо по настоящему выбор делают те, у кого есть политическая и экономическая власть — бюрократия, сформированная уже действующей властью, и крупные капиталисты, сконцентрировавшие в своих руках все общественные богатства. Это то, что в эпоху античных демократий называлось «олигархией». Тем не менее, сторонникам современных олигархий хватает цинизма называть их «демократиями», стыдливо изобретая для этого приставку «представительная».

В действительности, мы можем видеть, насколько парламентские системы отличаются от действительно демократических. При демократии власть находится в руках всего народа и она не отчуждаема от него. Народ самостоятельно принимает решения. Любые должности осуществляют организационные, технические функции, и отчитываются в этом перед народом. Право окончательного решения остаётся у народа, который и формирует, снизу вверх, политическую структуру. В демократической структуре любой «вышестоящий» пост всегда подчиняется «нижестоящим», избирается ими и перед ними отчитывается.

Государственная система есть полная противоположность этому. Здесь власть исходит из единого центра, который формирует политическую структуру общества сверху вниз. Стоящий на самом вершине системы правитель (единоличный либо небольшой круг правителей) назначает нескольких помощников — советников, министров, заместителей, ведающих определенными направлениями общественной жизни. Они формируют следующее звено управленцев — собственных помощников. И так с самого верха до самого низа. Нижестоящие назначаются и подчиняются вышестоящим, которые, в свою очередь, подчиняются стоящим над ними. На самом низу системы находится народ, чья участь — повиновение. Правитель через выстроенную систему осуществляет управление народом и всеми сферами жизни общества, определяя политику, издавая указы и спуская их по выстроенной пирамиде сверху вниз. Так формируется государственная система.

Парламентская система является системой именно государственной, абсолютно чуждой демократии. Единственное отличие от «классической» государственности в том, что правители избираются, будто бы, народом. При этом эти правители не несут никакой ответственности перед народом, не отчитываются перед ним и никак ему не подконтрольны. Депутат, будучи избранным, может сразу позабыть все свои предвыборные обещания и принимать законы, абсолютно противоположные тому, что он обещал.

Кроме того, можно утверждать, что вся избирательная система современных парламентских режимов далека не только от демократии, но и от провозглашаемых идей «народного представительства». Участвовать в избирательной системе сегодня можно либо владея крупной суммой денег, либо пользуясь поддержкой тех, кто владеет этими деньгами. То есть либо являясь крупным капиталистом, либо пользуясь поддержкой крупных капиталистов. Действительно, хорошая идея — заявить, что в члены парламента или даже в президенты может выдвигаться любой — и рабочий с завода Петров, и учительница Сидорова, и пенсионер Иванов, и олигарх Денисов. Умолчав при этом, что для выдвижения нужны средства, которыми обладает только Денисов! Элементарно для занятия общественной или политической деятельностью нужны свежие силы и свободное время, которые вряд-ли может позволить себе рабочий Петров после двенадцатичасовой смены на заводе. Для выдвижения нужны деньги, которые вряд-ли имеются у учительницы Сидоровой. И, наконец, для организации избирательной кампании нужны такие деньги, которых нет и у тысячи Ивановов, Сидоровых и Петровых. Зато они есть у одного олигарха Денисова, чьи возможности для участия в политическом процессе больше, чем у тысяч, если не миллионов, простых людей.

Таким образом, избирательная система устроена так, что нам предстоит избирать либо из богатых, либо из тех, кто пользуется их поддержкой. Но в действительности и сам выбор зависит не столько от нас, сколько от количества средств, которые будут выложены различными капиталистами в поддержку своих кандидатов. Мы слишком заняты собственным выживанием. У нас, как правило, не хватает ни сил, ни времени, чтобы разобраться с вопросами политики, экономики, социологии. Вместо того, чтобы заниматься образованием и изучением политических и экономических вопросов, чтобы можно было составить своё мнение, мы заняты тем, что работаем в поте лица на тех, кто завладел всеми общественными богатствами. То есть на тех самых олигархов, что теперь выставляют свои кандидатуры или же поддерживают уже выставленные. Нам за это перепадает совсем небольшая часть нашего труда — достаточно, чтобы выжить и иметь силы работать на капиталистов завтра.

В таких условиях у трудящихся людей, у большинства народа, даже не будет сколько-либо серьезного отношения к избирательной системе. Это не то, что составляет их жизнь. Отчужденность от политики и даже невозможность полноценного участия в избирательной системе формируют политическую апатию, аполитичность. Для людей куда более серьезными вопросами становятся изматывающая работа и досуг, отдых от работы, восстановление физических и моральных сил. За кого проголосуют такие люди? Будут ли они серьезно изучать программы кандидатов (а если и будут — то будут ли затем эти программы проведены в жизнь)? Эти люди проголосуют за тех, кто вложит большие деньги в формирование общественного мнения. От самого простого — рекламы, когда люди, отдыхающие от работы перед телевизором, на футболе, гуляющие по улицам, будут видеть предвыборную рекламу. Будут видеть её в общественном транспорте, по пути на работу и с работы. «Проголосуйте за меня — и я сделаю вашу жизнь лучше!». Что может звучать лучше для выжатого на работе несчастного уставшего человека? При этом стоит избегать любой конкретики — людям неинтересна конкретика. Более того, они могут быть несогласны с ней. Обещание же сделать жизнь лучше или поднять зарплаты в два раза — это то, что

придётся бальзамом на любую измученную нашим обществом душу. Как, за счёт чего, будет ли это исполнено — уже неважно. Предвыборные обещания апеллируют не к разуму, не к рациональному, но к потаенным мечтаниям о другой жизни, о переменах, которые произойдут без наших усилий.

В такой системе большая часть трудящегося народа, так или иначе, будет голосовать так, как им подскажут кандидаты-толстосумы. Сформировать собственное мнение могут только те, у кого есть достаточно свободного времени для этого, средств, более высокий уровень образования, и заинтересованность в развитии общества. То есть средние классы. Для низших классов, по большому счёту, безразлично кто придёт к власти — их положение не изменится в любом случае, они так и останутся внизу. Средним классам же уже есть что терять: в зависимости от политики, проводимой правительством, они могут либо спуститься на самый низ, либо еще больше разбогатеть. Кроме того, у них есть время, силы и знание для того, чтобы ознакомиться с вопросами политической и экономической повестки. И даже более того — теоретически, средние классы общества обладают достаточным состоянием, чтобы скооперировавшись, участвовать в избирательной системе и провести избирательную кампанию, чтобы отстаивать путём представительной системы собственные интересы. Так что в обществе капиталистического парламентаризма средние классы могут составить политическую оппозицию крупным капиталистам. И если политики, отстаивающие интересы крупных капиталистов, неизбежно будут стремиться к диктатуре собственного олигархического клана, к отстаиванию интересов конкретных олигархов, то оппозиция средних классов может быть заинтересована в сохранении парламентско-«демократических» свобод и экономическом развитии, при котором все барыши будут получать не только крупные капиталисты, но и средние классы. Конечно, до тех пор, пока такие партии сами не станут правящими — в этом случае их, скорее всего, перекупят крупные капиталисты. Либо те слои населения, которые составляли основу оппозиционных «демократических» партий, получив политическую власть и большую долю экономических благ, будут становиться более консервативными, реакционными, и со временем их политика будет всё более сближаться с политикой их вчерашних оппонентов — крупных капиталистов.

Проблема здесь в том, что размах такой «демократической оппозиции» напрямую зависит от экономического развития страны. Она невозможна в бедных, периферийных странах — кроме как движений оппозиционных олигархов, с самого начала не отличающихся в своих интересах от правящих капиталистов. Существенным элементом избирательной системы средние классы могут быть лишь в странах-метрополиях, разбогатевших за счёт эксплуатации стран третьего мира, и переложивших на них тяжелый труд и нищету. Вторая проблема будет заключаться, как мы обозначили выше, в том, что при получении власти и богатства такие партии будут неизменно сами становиться консервативными — ибо их цель не изменить систему, но занять место правящих классов, самим стать крупными капиталистами. И третья проблема — мнение таких средних классов также формируется капиталистами. Пусть и более изощренными методами, чем дешёвый популизм, направленный на низшие классы. Мнения экспертов, повестка, которую доносят «независимые СМИ» — всё это тоже формируется за счёт денег, которые есть либо у олигархов, либо у государства. Такие СМИ и эксперты, на основе которой формируют своё мнение средние классы,

будут доносить ту повестку, которое выгодно их хозяевам и инвесторам. Это верно даже в век интернета. Сейчас создать своё СМИ может каждый, но для развития интернет СМИ в любом случае нужно много денег. Можно создать относительно крупное и читаемое СМИ на голом энтузиазме и за счёт таланта его авторов, но преимущество в любом случае будет на стороне тех, у кого есть деньги для раскрутки. СМИ, формирующие общественную повестку, также контролируются теми людьми, на кого рассчитана избирательная система — олигархами либо бюрократами.

Таким образом мы видим, что в современных парламентских системах действительно присутствует элемент представительства. Но представительства не народа, но олигархов, крупных капиталистов. Только при их содействии возможно участие в выборах, они формируют общественное мнение, включая то, за кого будут голосовать люди — неважно, бедные или состоятельные. И от них зависят избранные депутаты. Они могут пообещать всё, что угодно своим избирателям — но будут следовать не этим обещаниям, а тем, что были даны инвесторам. Ведь от инвесторов зависит, получит ли депутат дальнейшее финансирование, пойдёт ли он на следующие выборы. У простых граждан же никаких рычагов воздействия на конкретного депутата нет. Так что система, действительно, является представительной. Только это не народное представительство, а представительство капиталистическое. Идеальная современная «демократия» — это «демократия» нескольких капиталистических кланов, сдерживающих друг друга, плюс «демократическая» оппозиция средних классов, стремящихся войти в систему на правах одного из правящих кланов. В такой системе интересы простых людей будут защищены единственно тем, что конкурирующие капиталисты, стремясь к абсолютной власти для себя, будут стремиться ограничить власть конкурентов, власть друг друга. И если в таком обществе и сохраняются «права и свободы», то единственно потому, что враждебные группы олигархов не могут договориться между собой и допустить, чтобы конкурент обрёл большую власть над обществом. Там же, где конкурентам удаётся прийти к согласию, или же одна из групп одерживает верх — горе всем, поскольку правители более не ограничены ничем в своём стремлении подчинить общество.

Наиболее последовательные сторонники представительной системы, осознавая, с какой легкостью манипулируют мнением большинства избирателей, приходят к наиболее законченному и последовательному варианту — они предлагают установить всевозможные ограничения, лишив права голоса пенсионеров, бедняков и т. д. Иметь право избирать и избираться должны только состоятельные люди, говорят они. Такая система была бы наиболее выгодна средним классам. И невыгодна крупным капиталистам, которые, будучи абсолютным меньшинством, могут навязать свой выбор плохо осознающим собственные интересы низам. Такая система уже в большей степени служила бы средним классам, представляла бы их классовые интересы — вместо «демократии» крупных капиталистов «демократия» средних классов, подчиняющая их интересам остальные слои общества. Оба этих типа «идеальной» капиталистической «демократии» направлены на защиту интересов меньшинства населения. Нетрудно понять, что в такой системе будут приниматься те законы, которые выгодны крупному капиталу или средним классам. Низы, представляющие из себя абсолютное большинство, во всех этих системах будут абсолютно не защищены и не представлены никаким образом.

Впрочем, пока речь идёт об «идеальной» капиталистической «демократии». Что, однако, если мы представим себе неидеальную систему, при которой государственная бюрократия вырвалась из под опеки капитала и сама взяла его под опеку? Либо, наконец, мы представим некапиталистическую представительную систему, в которой крупные капиталисты не имеют возможности управлять избирательным процессом. Будет ли это означать, что представительная система, освободившись от власти капитала, станет более честной и справедливой? Вовсе нет — сколь бы ни была ужасна капиталистическая представительная «демократия», некапиталистические представительные системы являют из себя еще более ужасное зрелище. Если в капиталистических «демократиях» центр власти разделяется на политический (правительство) и сразу нескольких экономических (крупные капиталисты), что не даёт сосредоточить всю полноту власти в одних руках, в определенной степени раздрабливая элиты и вынуждая противоборствующие группы сдерживать друг друга, то при «неидеальной» представительной системе происходит консолидация власти. Если за парламентом не стоит несколько враждебных олигархических кланов, если власть консолидирована — один из кланов одержал верх, или же бюрократии удалось подчинить себе капиталистов, президент стал мудрым «арбитром», регулирующим отношения между различными властными группами, или же система сама по себе некапиталистическая — всё становится только хуже, власть концентрируется в руках одного органа или даже одного человека. И в этом случае, не сдерживаемый никакой иной силой, этот орган или человек сделает всё возможное, чтобы увековечить свою власть. Парламент примет соответствующие законы, а президент назначит лояльных себе людей на все ключевые посты. Используя административный ресурс, они будут обеспечивать тот результат на выборах (посредством рекламы, цензуры, недопуска конкурентов, организации и фальсификации голосований), который позволит им остаться у власти.

Государство само принимает законы, по которым проходят выборы, само следит за их исполнением, само решает в судебном порядке все претензии по выборам, само принимает решение по претензиям, само организует процесс выборов, и само подсчитывает результаты выборов. Оно придумывает правила игры, раздаёт карты, может заглянуть в карты соперников и взять у них понравившуюся карту, может менять правила по ходу игры, и само подсчитывает победные очки. В такой игре против государственного административного аппарата может выиграть только человек, обладающий не меньшей властью. Так, мы видели совсем недавно, как в США победу на выборах одержал поддерживаемый нефтяными корпорациями миллиардер Дональд Трамп, против которого использовался административный ресурс американского государства. Однако будь соперником государственной администрации человек, не владеющий таким количеством денег и власти, его шансы победить были бы равны нулю, ему просто было бы нечего противопоставить административной мощи государства. Которую парламент и президент использовали бы для превращения представительной системы в классическую диктатуру.

Порочна сама идея политического представительства, снимающая с граждан ответственность за собственные жизни, и дающая им ложную иллюзию собственной власти. Порочна идея, предполагающая, что один человек может представлять сотни тысяч совершенно разных незнакомых ему людей, у которых, к тому же, нет никакой

возможности оказать давление на «представителя», и перед которыми «представитель» не отвечает и не отчитывается. Принцип политического «представительства» свойственен, в своём идеальном виде, олигархии. Демократии же соответствует принцип делегирования, при котором народное собрание выбирает из своей среды человека, которому поручает выполнение определенной общественной функции или же участие в собрании более высокого административного уровня. Такой человек избирается на небольшой срок, в своей работе подчиняется делегировавшим его людям, отчитывается перед ними о своей работе, и в любой момент может быть отозван и заменен. Такая система действовала в реальных демократических системах.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Народная самооборона
Демократия и политическое представительство
02.03.2018

https://vk.com/class__war

ru.theanarchistlibrary.org